

Глава 2. Первая встреча

Линь Сяньюй уезжал в спешке. Он был уверен, что об этом почти никто не знает, но, к его удивлению, в последний момент несколько близких коллег пришли его проводить. Его приятели по обедам даже принесли огромный букет — цветы такие пышные, что, прижав их к груди, он мог спрятать за ними всё свое лицо. Вместе с цветами прибыли и двое друзей — с такой наигранной драмой, что хоть сейчас на сцену.

— Линь-ге, почему ты вдруг решил уволиться? У-у-у... Кто теперь будет пить со мной молочный чай?

— Линь-линь, ты что, нас бросаешь? Какое же у тебя жестокое сердце!

Их притворное рыдание было таким громким, что многие оборачивались; из щелей приоткрытых дверей соседних кабинетов даже начали выглядывать любопытные головы. Линь Сяньюй молча поднял букет повыше, стараясь прикрыться от посторонних взглядов.

Увидев, как он пытается спрятаться, Юй Лэчэн и Цзян Юлин едва не лопнули от смеха. Только когда Линь Сяньюй, обречённо вздохнув, поднял руки в знак капитуляции, они наконец сжалились над ним.

— Ладно, ладно, всё, не дразним! Линь-ге, только не смей забывать про нас, даже если уволился!

Линь Сяньюй улыбнулся. Для него это было редкостью — самому что-то предложить:

— У меня на родине очень красивые места. Приезжайте в гости, я всё оплачу — билеты, гостиницу. Если приедете в июне или июле, как раз сезон грибов, — я вас в горы свожу, будем собирать.

Эта фраза их действительно ошеломила. За столько лет совместной работы Линь Сяньюй почти никогда не звал их сам — обычно они организовывали встречи, а он то находил повод не прийти, то просто отказывался. А тут вдруг сам пригласил! Юй Лэчэн и Цзян Юлин тут же с радостью согласились.

Цзян Юлин особенно оживилась:

— Тогда договорились! Мы приедем в следующем году. Я недавно видела видео, где люди ходят по горам после дождя: в дождевиках, с ведёрками, находят гриб, снимают, как он выглядывает из-под земли... Так интересно! Кстати, можно будет попробовать местную куриную отбивную? Говорят, он самый вкусный!

Юй Лэчэн поднял руку:

— А я хочу попробовать молодой зеленый лук! Уж очень любопытно, какой у него вкус.

Линь Сяньюй на всё кивал, соглашаясь, а потом посмотрел на часы и напомнил:

— Ладно, идите уже, поздно. Сегодня совещание, все начальники будут. Если вас увидят тут, неловко выйдет.

Дождавшись, пока они вернутся в офис, он повернулся и пошёл прочь.

Дорогу от компании до дома он проходил тысячи раз, но сегодня впервые подумал, какая она красивая. На углу рос куст роз высотой по пояс, бело-розовые бутоны распустились вовсю — крупные, больше кулака, усыпали ветви. Похоже, их с утра поливали: листья блестели ярко-зелёным, сочным цветом, от которого веяло живой свежестью.

Перед тем как вернуться домой, Линь Сяньюй зашёл в торговый центр — купил подарки бабушке и дядиной семье. Когда он наконец начал собирать вещи, уже клонило к вечеру. Он не был большим любителем шоппинга, но за эти годы накопилось немало — выбросил всё лишнее, а то, что не мог взять с собой, оставил хозяйке квартиры. Не успел закончить упаковывать вещи из спальни, как уже набил несколько коробок.

Когда занят делом, время летит незаметно. Он закончил ближе к ночи, устал до изнеможения. Даже не стал убираться — просто стянул грязную одежду и рухнул на диван. Не прошло и двух минут, как Линь Сяньюй почти провалился в сон, но его разбудил звонок от хозяйки.

Они заранее обсудили, что часть залога удержат, поэтому женщина охотно согласилась на расторжение договора:

— Сяо Линь, ты ведь завтра уезжаешь, да? Я завтра весь день дома, позвони, когда закончишь с вещами.

— Хорошо, спасибо, тётя. Извините за беспокойство.

После разговора сна уже не было. Он решил закончить всё разом — добил последние мелочи и только к рассвету наконец лёг.

Но стоило взглянуть на остаток на банковской карте, как сон опять пропал. Полежав, ворочаясь минут десять, Линь Сяньюй решил поделиться хорошей новостью — своим увольнением — с лучшим другом.

Первый звонок не прошёл. Он даже не моргнул — сразу набрал во второй раз. Потом третий. Четвёртый. И наконец, на другом конце ответили.

Из трубки донёлся злой голос Му Минсю:

— Линь Сяньюй, надеюсь, у тебя есть веская причина звонить мне сейчас. Иначе завтра я тебя сам уничтожу.

Линь Сяньюй несколько не смутился — поздние звонки по ночам он перенял у Му Минсю. В первый год их работы тот, работая в ночную смену, часто звонил ему: впервые, услышав звонок в полночь, он подумал, что сходит с ума во сне.

— Ты считаешь, я похож на тебя? — сразу ответил он. — У меня реальное дело.

Голос Му Минсю вдруг стал серьёзным:

— Не говори, что у тебя что-то случилось? Не скрывай от меня.

Линь Сяньюй впервые заговорил на таком высоком тоне, весь взволнованный:

— Ничего страшного не произошло. Я просто хочу сказать тебе — я уволился! Мне улыбнулась удача: я выиграл в лотерею. Уволился сразу же. Завтра уезжаю в родные края, как соберу вещи — жду тебя в гости.

Му Минсю вскочил с кровати, услышав это; они с Линем с университетских времён были двумя неудачниками, и никто не ожидал, что одному из них вдруг «повезёт» и он покинет строй — оставит друга одного в рабской жизни, разве так можно?

— Отлично-отлично, в нашей лиге неудачников тоже кому-то повезло! Когда припрёт — одолжу у тебя.

Маленький внутренний голос Линя молча положил руки на бёдра:

— Без проблем, приходи, не забудь.

Му Минсю немного прикинул и сказал:

— Сейчас я не смогу к тебе навестись — после ночных смен я чуть не падаю с ног. Посмотрю к концу года, может, возьму отпуск — если получится, приеду.

— Ладно, если приедешь — заранее скажи, я тебя встречу.

Отдав должное радости, Линь быстро положил трубку; в ушах раздался короткий гудок.

Успокоившись, он, наконец, заснул.

На следующее утро хозяйка пришла посмотреть квартиру. Видя, что жильё почти не изменилось и Линь оставил много вещей, она почти ничего не удержала из залога, а при выходе даже помогла донести чемодан.

В последнюю очередь он взял букет и, почувствовав себя легко, отправился в путь домой.

Автомобиль выехал с автозаправки, и Линь вдруг осознал, что ещё не сказал бабушке о своём возвращении. Он припарковал машину у обочины и достал телефон, чтобы позвонить.

Набрав номер, он начал мысленно отсчитывать: по опыту, пока бабушка услышит и сообразит достать трубку, проходит не меньше двадцати секунд — и это если она ничем не занята. Если готовит или чем-то занята, зачастую приходится звонить дважды. Бывают и исключения: если она как раз болтает с подругой — тогда отвечает мгновенно.

Сейчас было всего десять утра; он предполагал, что бабушка в огороде, и не ошибся: первый звонок остался без ответа, а на второй раз Хэ Сючжу взяла трубку.

Услышав знакомое «Алло» с того конца, на лице Линя впервые за долгое время появилась улыбка, голос стал мягче:

— Бабушка, это я.

Державшая в руках маленькую корзинку, Хэ Сючжу бросила её и, стоя в огороде и держа телефон, присела на грядку, щурясь от радости:

— А-Юй! Сегодня не на работу? Ты уже позавтракал? Бабушка говорит: завтракать обязательно нужно.

Как раз кстати: Линь действительно не позавтракал. На работе без выбора — иначе низкий сахар, а обычно он по утрам в это время все еще спит; сегодня встал только ради отъезда домой и вовсе не подумал о завтраке.

Но это он, конечно, не скажет: за годы работы первое, чему научился, — сохранять спокойный вид при небольшой лжи. Жаль, что этот навык только в отказе друзьям помогает, а в отказе от переработок — никак.

— Я поел, — ответил он. — Бабушка, а ты поела? Я сегодня вечером буду дома.

Хэ Сючжу обрадовалась ещё больше:

— Во сколько приедешь? Бабушка подождёт, вечером зарежу тебе курицу. Если бы ты сказал раньше — я бы и сладкого рисового вина сварила, когда уезжаешь, я уж приготовлю — успею ли я?

Слушая, как бабушка не переставая бормочет, Линь Сяньюй не мог скрыть улыбку в глазах.

— Бабушка, не жди меня ужинать, — мягко сказал он. — Я приеду поздно. В этот раз задержусь надолго, ты готовь, что хочешь. Я соскучился по твоему сладкому рисовому вину.

— Хорошо-хорошо, бабушка сейчас же домой пойдёт готовить, — радостно закивала Хэ Сючжу.
— Когда будешь почти дома — позвони, бабушка тебя встретит.

— Знаю, бабушка. Тогда кладу трубку, я за рулём.

— Езжай не спеша, осторожнее, — напомнила она.

Когда звонок оборвался, Линь взглянул на список вызовов — за последние дни он только и делал, что кому-то звонил. Пролистав вниз до двухмесячной давности, он остановился на двух знакомых именах. Долго колебался, но всё-таки нажал «вызов».

— Алло, Сяньюй? Что-то случилось? Если нет — потом поговорим, у меня совещание.

Линь привычно улыбнулся, хоть собеседник его и не видел:

— Нет, ничего, пап. Просто хотел сказать — я уволился. Скажи маме, что возвращаюсь домой на какое-то время.

— Понял. Только не отдыхай слишком долго, потом трудно будет найти новую работу.

Не успел Линь ответить, как связь уже оборвалась.

Впрочем, и сказать было нечего.

С чувством выполненного долга он открыл электронный кошелек, перевёл родителям немного денег и отложил телефон. Завёл мотор и выехал на трассу.

Он не заметил, что спустя пару минут на его карту поступил перевод — десять тысяч юаней от отца. Немного, но достаточно, чтобы тот мог мириться с отдыхом сына максимум два месяца.

Когда Линь учился в первом классе, родители увезли его в столицу. После смерти деда бабушка приехала к ним и жила рядом два года, пока он не поступил в интернат. Тогда она

вернулась домой. С родителями у него отношения всегда были прохладные: окончив университет, он не остался в столице, а переехал в соседний с родным домом город — всего каких-то шесть часов пути на машине.

Он давно не ездил так далеко, поэтому всё время держался настороже, несколько раз останавливался на отдых. К вечеру, около пяти, он добрался до Куньмина, а к шести вечера — до деревни Лэцзюй.

С тех пор, как он был здесь в последний раз, многое изменилось: бетонные дороги сменились асфальтом, сбоку даже построили парковку, где стояло несколько машин — видимо, туристов.

Лэцзюй — небольшой старинный посёлок, малоизвестный, но сохранивший старые застройки. Дом семьи Линя — старая деревянная двухэтажка, построенная десятки лет назад. Когда его дядя строил себе новое жильё, он не стал сносить старый дом, а просто переселился на другую сторону посёлка, где теперь тянутся современные здания.

Эта часть старого квартала со временем превратилась наполовину в туристическую зону — правда, туристов почти не бывало. Но в последние годы, видимо, реклама сработала: кое-кто приезжает.

Дороги в посёлке мощёные, много каменных ступеней. Раньше они с бабушкой возвращались домой обходным путём, но теперь появилась новая дорога, и Линь немного растерялся. Он припарковал машину у стоянки, не взял ни чемодана, ни сумок — только букет — и пошёл пешком.

Недалеко от въезда в Лэцзюй стояло огромное старое дерево, обхватить которое могли только несколько человек. Под ним — каменный стол и семь-восемь табуретов. Старики и старушки любили собираться здесь вечером, чтобы подышать воздухом и поболтать. Линь сразу увидел бабушку — она оживлённо разговаривала с несколькими женщинами, а её смех разносился далеко вокруг.

Услышав этот знакомый голос, Линь почувствовал, будто вся дорожная усталость и пыль мгновенно слетели с него. Он просто стоял и смотрел — как же давно он не видел её. Больше года прошло, а она всё такая же бодрая и весёлая. Как же хорошо.

Хэ Сючжу, зная, что внук возвращается, ещё после обеда пришла сюда с иглой и нитками — сидела, шила стельки и ждала. За это время подруги вокруг неё уже несколько раз сменились, пока не пришла Лу Цюфан. С этой старой приятельницей разговор про внуков и внучек заводился надолго — и тянулся без конца, пока не стемнело.

Лу Цюфан как раз закончила вязать тапочек, подняла голову — и увидела Линя, идущего к ним. Она его, конечно, не знала, но это не мешало ей быть любительницей разглядывать красивых молодых парней. А тут — высокий, стройный, в голубой рубашке. Она сразу подтолкнула Хэ Сючжу локтем:

— Глянь-ка, Хэ, вон тот парень, машет рукой. Не знаю, чей он сын, но вид-то какой! Высокий, статный... правда, худоват, не то что мой внучек!

— Это потому, что ты моего внука не видела, — не поднимая головы, отозвалась Хэ Сючжу. — Мой младшенький — вот кто красив! Куда там его отцу до него.

Сказав это, она всё же подняла глаза — и застыла: ведь тот самый парень, что шёл к ним, и был её внук!

— А-Юй! — вскрикнула она, вскакивая на ноги с ловкостью, совсем не свойственной семидесятилетней женщине. — Приехал, а мне не позвонил? Я ведь даже готовить ещё не начала!

От неожиданности у Линь Сяньюя расширились зрачки — он испугался, что бабушка оступится. За три шага подскочил, придержал её за локоть:

— Бабушка, не торопись, а то упадёшь! Я по дороге перекусил, не голоден.

Хэ Сючжу легонько хлопнула его по руке:

— Да что ты, дорожная еда разве с домашней сравнится? Пошли, пошли, я сейчас тебе ужин приготовлю.

Но тут вмешалась забытая всеми Лу Цюфан. Она встала, подбоченилась:

— Сючжу, да куда тебе, уже вечер на дворе. Пока приготовишь — стемнеет! Пойдём к нам, в мою лавку. Мой внук так вкусно готовит — пальчики оближешь!

Её сын когда-то держал ресторан, а потом внук вернулся и открыл за ним маленький гостевой домик. Людей было немного, зато ресторан процветал. Хэ Сючжу хоть сама там и не бывала, но слышала, что кухня — на славу. Потому и согласилась без раздумий:

— Ладно, только одно условие: за еду мы заплатим. Иначе ни за что не пойду!

Лу Цюфан отмахнулась:

— Да брось! Мы же свои люди. Твой внук — что мой внук, какая уж там плата! — И, не давая возразить, потянула Линя за рукав: — Пошли-пошли, сегодня бабушка Лу угощает!

Хэ Сючжу тоже ухватила его за другую руку, и в итоге Линь Сяньюй оказался зажатым между двумя бодрыми старушками, не в силах сделать и шага.

— Бабушка, бабушка Лу, подождите! — засмеялся он, беспомощно оглядываясь. — Здесь же булыжная мостовая, осторожнее, не споткнитесь!

Пока они возились, у перекрёстка появился ещё один человек.

Линь поднял взгляд — и их глаза встретились. Незнакомец был в чёрной бейсболке, надвинутой низко на лоб. Под полутенью виднелись только прямой нос и резкая линия подбородка.

На нём был чёрная майка, обнажавшая широкие, сильные плечи и спину. Ни капли лишнего — лишь сухая, гибкая мускулатура. В руке он нёс ведро, явно тяжёлое, по загорелой руке вздувались жилы.

Он шёл прямо к ним, и Линь невольно затаил дыхание — мужчина был слишком высокий, слишком внушительный.

Шэн Е пришёл, услышав голос своей бабушки. Не ожидал увидеть перед собой троих людей, тянущих друг друга в разные стороны. Если бы не радостное выражение лица его бабки, он бы решил, что тут драка.

Убедившись, что с ней всё в порядке, Шэн перевёл взгляд на юношу с букетом. Лёгкий ветер шевельнул его челку, и на солнце стали видны его глаза — ясные, как звёзды.

<http://bllate.org/book/14680/1308460>